

Е Чжицю спокойно спал, а Гао Вэнье совсем не мог уснуть.

Он хотел позвонить Е Чжицю с телефона сотрудника. Но, учитывая свой возраст и опыт, Гао Вэнье понимал, что это может привести к обратному эффекту, поэтому ему пришлось сдерживаться.

Гао Вэнье перечитывал сообщения Е Чжицю снова и снова. Чем больше он читал, тем сильнее в нем разгоралось желание и тем тяжелее становилось на душе.

Желание разжигала фраза Е Чжицю: «Нравишься ты мне или я тебе — неважно, в этой жизни мы можем быть только чужими. Е Чжися — мой брат, я не могу и не смею переходить границы с человеком, который ему нравится».

Хотя в этих словах не было прямого признания в любви, Гао Вэнье считал, что Е Чжицю определенно испытывает к нему симпатию.

Просто из-за чувств Е Чжися к нему, юноша был вынужден оттолкнуть Гао Вэнье.

Это заставляло актера чувствовать себя одновременно горько и сладко.

Он играл в течение десяти лет, довел любовные сцены до совершенства, но такое неопределенное чувство, когда его полностью контролировали, Гао Вэнье испытал впервые.

Как он мог не сойти с ума, не влюбиться?

А тяжесть на душе вызывали издевательства и жестокость Е Чжися по отношению к Е Чжицю, а также сопротивление парня, вызванное этим.

Думая об этом, Гао Вэнье еще больше сожалел о тех намеренных и ненамеренных намеках, которые он давал Е Чжися до того, как увидел Е Чжицю.

Особенно в последние несколько дней, когда он поручил людям разузнать подробности о семье Е.

Оказалось, что Е Чжэн не был ребенком Е Хунсяня, а Е Чжицю и Е Чжися были не родными, а сводными братьями.

Неудивительно, что Е Чжицю сказал, что он всего на несколько месяцев старше Е Чжися.

Гао Вэнье презрительно усмехнулся.

Хотя он не знал, как семья Е объяснила это Е Чжицю, но, как мужчина, он сразу понял, что Е Хунсянь, должно быть, изменил своей жене во время ее беременности и случайно сделал кого-то беременной, в результате чего появился Е Чжися.

Таким образом, законным наследником семьи Е, скорее всего, должен был стать Е Чжицю.

Но, как говорится, иметь мачеху — значит, иметь отчима.

Более того, судя по тому, как жестоко и безжалостно Е Чжися обращался с Е Чжицю, можно было предположить, что положение юноши в семье Е было нестабильным.

Изначально Гао Вэнье хотел просто сблизиться с Е Чжися, чтобы прикрыть свое не самое благородное происхождение. Что касается бизнеса семьи Е, он не слишком много об этом думал. Но теперь, когда он вдруг обнаружил, что этот приз может достаться ему без особых усилий, он не мог не включить этот вариант в свои планы.

В глубине души он надеялся, что Е Чжицю станет тем, кто в будущем возглавит семью Е. В таком случае у него не будет никаких сожалений — и власть, и красавица будут в его руках.

Но в то же время это создавало для него новую проблему.

На какое-то время необходимо отложить принятие решения.

Гао Вэнье раздраженно нахмурился и снова провел пальцем по экрану.

В телефоне было еще несколько сообщений от Е Чжися, которые он получил по дороге в отель и планировал ответить, когда освободится.

Однако из-за появления Тан Лэ он так и не успел этого сделать.

Теперь же ему было достаточно увидеть имя Е Чжися, чтобы почувствовать отвращение.

Не говоря уже о том, как резко и грубо он обращался со своим братом дома, но в мгновение ока становился с ним мягким и нежным, строил из себя милашку...

Это вызывало у Гао Вэнье не только отвращение, но и чувство глубокого дискомфорта.

Если бы не «наследство», которое маячило перед ним, как морковка перед ослом, он бы, возможно, сразу все выяснил с Е Чжися и прекратил с ним всякие отношения.

Но сейчас...

После долгого колебания Гао Вэнье тяжело вздохнул и выключил экран телефона.

Ночью, неизвестно когда, пошел снег. Когда Е Чжицю проснулся, земля уже была покрыта толстым слоем.

Он немного постоял у окна, прежде чем пойти умываться. Затем, прислонившись к окну, он открыл Weibo, Xiaohongshu и соответствующие форумы, чтобы посмотреть, как "Цзинь Ци" управляет общественным мнением и оказывает давление на VIA.

За ночь шумиха вокруг этого дела не только не утихла, но и усилилась. Однако среди многочисленных насмешек появились и другие голоса.

[Просто посмотрю: возвращайте, все быстро возвращайте! Я не успел урвать ни пальто, ни плащ с той трансляции, так что жду, когда вы все вернете, чтобы подобрать остатки.]

[Маленький ХХ: VIA действительно выглядит не очень хорошо. Их так прижали к стенке, и никто даже не выступил с заявлением?]

[Любитель зрелищ: А может быть, у VIA даже нет нормального отдела по связям с общественностью? Смеется до смерти.]

[Честно говоря: Честно говоря, я даже не слышал об этом бренде. Это просто дебют и мгновенное падение.]

[Все расступитесь, я иду: Тот, кто собирается подбирать остатки, тоже не боится потерять лицо. VIA может выступать только вместе с подарками от Цзинь Ци. Так что быстро уходи, дай мне это сделать.]

[Маленькая луна: Черт возьми, я уже замахнулся своим восьмисотметровым мечом, а ты снова за свое?]

[Эй: Никто не думает, что "Цзинь Ци" поступает очень подло, нанося удар в спину своему партнеру?]

[...]

Различные голоса, хотя и были тихими, но уже заложили основу для будущего контрастступления в информационном пространстве.

Е Чжицю выключил телефон, встал, переоделся и спустился вниз.

Но не успел он ступить на лестницу, как снизу донесся шум ссоры.

Это были Тао Жоцин и Е Чжися.

— В такую холодную погоду, да еще и со снегом, зачем тебе так спешить обратно на съемочную площадку? — сказала Тао Жоцин. — Я же знаю, что твои сцены только после обеда.

— Не могу я заранее вернуться и подготовиться? — в голосе Е Чжися звучало раздражение и тревога. Е Чжицю понял, что они, вероятно, уже какое-то время спорят.

— Не думай, что я не знаю, — Тао Жоцин холодно рассмеялась. — Ты хочешь увидеться с этим Гао Вэнье, верно?

— Что с учителем Гао не так? — сказал Е Чжися. — Почему ты так его невлюбила? Он же киноимператор, киноимператор!

Поняв, что с ним бесполезно разговаривать, Тао Жоцин помолчала и, наконец, отказалась от спора с Е Чжися.

— В твоих глазах он, возможно, во всем хорош, но в моих глазах он не стоит и мизинца на твоей ноге, — сказала она. — Не надейся уйти сегодня утром. Дядя Ван отвезет твоего брата в школу.

— Е Чжицю давно ездит в школу сам, — Е Чжися топнул ногой от злости. — Не будь такой неразумной.

— Сегодня идет сильный снег, дорога скользкая, — холодно сказала Тао Жоцин. — Твоему брату небезопасно ехать одному.

— Ха... — Е Чжися холодно рассмеялся. — Раньше я не видел, чтобы ты так о нем заботилась. Что, разве ты не должна радоваться его смерти? Из-за учителя Гао ты притворяешься передо мной?

— Е Чжися! — Тао Жоцин так разозлилась, что ее голос изменился. Она резко обернулась и посмотрела на лестницу, опасаясь, что Е Чжицю услышит эти слова.

— Ты позволишь мне уйти или нет? — пригрозил ей Е Чжися.

За окном шел сильный снег, выл ветер, но Тао Жоцин никогда еще не чувствовала себя так холодно.

Ее собственный сын, ради которого она изо всех сил старалась получить контроль над

имуществом семьи Е, ради которого она унижалась и общалась с этими высокомерными светскими дамами... угрожал ей ради какого-то мужчины.

В воздухе повисла тишина. Спустя мгновение голос Е Чжися наконец приобрел нотки растерянности:

— Мама.

Е Чжицю убрал руку с перил второго этажа и продолжил спускаться. Как и ожидалось, Тао Жоцин заплакала.

— Что здесь происходит? — спросил Е Чжицю, остановившись на последней ступеньке.

Услышав это, Тао Жоцин и Е Чжися одновременно вздрогнули.

— Ничего... Сяо Цю, — Тао Жоцин побледнела и, немного помедлив, пришла в себя. — Когда ты спустился? Что ты слышал?

Как только она это сказала, то сразу же пожалела. Это прозвучало как невольное признание.

— Только что слышал, как Е Чжися кричал «умру, умру», — сказал Е Чжицю.

Видя, как лица матери и сына становятся все мрачнее, он медленно нахмурился и шаг за шагом подошел к Е Чжися.

— Е Чжися, я так и знал, что ты снова говоришь обо мне гадости.

Оказывается, он не расслышал... Тао Жоцин закрыла глаза, все ее тело напряглось, она была на грани обморока.

— Младший брат ничего не говорил, — сказала она.

— Если бы он ничего не говорил, разве смог бы довести тебя до слез? — Е Чжицю не отступал. Он подошел и сильно толкнул Е Чжися в грудь.

Е Чжися не успел даже среагировать, как упал на пол.

— Ты с ума сошел, Е Чжицю? — Е Чжися закричал от злости.

Он сильно ударился, острая боль в копчике не давала ему выпрямиться.

— Я с ума сошел? — Е Чжицю сделал шаг вперед и пнул его ногой в грудь. Он сделал это так быстро, что Тао Жоцин не успела его остановить.

— Я с ума сошел? — Е Чжицю поднял палец и указал на свою щеку. — Родного брата избил до такого состояния, родную мать довел до слез. У тебя что, врожденная неблагодарность, Е Чжися?

Е Чжися: ...

Вот же чёрт, отхватил пару ударов и ещё виноватым остался.

— Всё, всё хорошо. — Видя, что Е Чжицю снова заносит руку для удара, Тао Жоцин поспешила схватить его за руку. — Он не со зла, я уже с ним поговорила.

— Ради того, что сегодня у тебя ещё съёмки, — Е Чжицю разжал руку. — Сегодня пощажу.

Е Чжися: ...

Он хотел вскочить, но Тао Жоцин удержала его.

— Езжай в съёмочную группу. — Опасаясь, что Е Чжися в порыве гнева ещё что-нибудь ляпнет, Тао Жоцин решила уступить. — Дядя Ван уже, наверное, поел, пусть он тебя отвезёт.

Е Чжися злобно посмотрел на Е Чжицю, затем разжал кулаки.

Последние два дня он каждый раз, когда у Гао Вэнье был перерыв, писал ему. Хоть и не сказать, чтобы очень тепло, но актер в основном отвечал. Только вот на сообщение, отправленное вчера вечером, ответа до сих пор не было.

Е Чжися чувствовал беспокойство и тревогу. Взвесив все за и против, он решил больше не медлить.

— Е Чжицю, ты ещё пожалеешь, — бросил он напоследок, а затем, словно боясь, что Тао Жоцин передумает, быстро вышел.

Дождавшись, когда Е Чжися скрылся за дверью, Тао Жоцин вздохнула с облегчением и медленно опустилась на диван.

— Вы двое меня в могилу сведете, — сказала она.

— Это Е Чжися тебя доводит. — Е Чжицю сказал: — Я за тебя заступился, а ты ещё и на меня злишься?

Тао Жоцин: ...

— Ладно, — Тао Жоцин снова вздохнула. — Сегодня я не буду с тобой спорить.

<http://bllate.org/book/14243/1258039>